

Provisional
For participants only
15 May 2010
Russian
Original: English

Комиссия международного права
Шестьдесят вторая сессия (первая часть)

Предварительный краткий отчет
о 3037-м заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, Женева,
во вторник, 4 мая 2010 года, в 10 ч. 00 м.

Содержание

- Дань памяти Яна Броунли, бывшего члена Комиссии (*продолжение*)
- Оговорки к международным договорам (*продолжение*)
- Программа, процедуры и методы работы Комиссии и ее документация

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки следует направлять *в течение двух недель с момента выпуска настоящего документа* в Секцию редактирования и корректирования публикаций, комната E.4105, Дворец Наций, Женева.

Присутствуют:

Председатель: г-жа Сюэ
Члены Комиссии: г-н Валенсия Ospina
г-н Варгас Карреньо
г-н Васкес Бермудес
г-н Виснумурти
сэр Майкл Вуд
г-н Галицкий
г-н Гая
г-н Дугард
г-н Камто
г-н Кандиоти
г-н Кафлиш
г-н Комиссариу Афонсу
г-н Макрэй
г-н Мурасэ
г-н Нихаус
г-н Нольте
г-н Пелле
г-н Перера
г-н Петрич
г-н Сабоя
г-н Сингх
г-н Фомба
г-н Хассуна
г-н Хмуд
г-н Якобссон

Секретариат:

г-н Микулка секретарь Комиссии

Заседание открывается в 10 ч. 05 м.

День памяти Яна Броунли, бывшего члена Комиссии *(продолжение)*

Председатель напоминает о том, что на предыдущем заседании члены Комиссии минутой молчания почтили память Яна Броунли, который входил в состав Комиссии с 1997 по 2008 год и являлся ее Председателем в 2007 году. Во время своих многих появлений в Международном Суде он помогал разрабатывать его решения; как ведущий консультант для Никарагуа он сыграл решающую роль в принятии Судом исторического решения по делу, касающемуся *Военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)*. В его научных трудах затрагивается широкий круг тем, включая границы африканских государств, ответственность государств и права человека; его работа "Принципы международного публичного права" является классическим трудом по этому вопросу.

В качестве Специального докладчика по вопросу о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров он внес значительный вклад в работу Комиссии международного права. Мы будем помнить его здравомыслие, безукоризненную честность и независимый ум.

Г-н Пелле говорит, что он с глубоким прискорбием узнал о кончине наставника, соратника – и иногда соперника. Являясь младшим членом группы, возглавлявшейся Яном Броунли в связи с делом Никарагуа, он был поражен его глубокими познаниями о Суде и производстве в нем. Когда они впоследствии работали над одними и теми же или противоположными юридическими терминами, он всегда испытывал беспредельное уважение к Яну Броунли – даже тогда, когда они не приходили к согласию. В рамках Комиссии, хотя они иногда расходились во мнениях в отношении существа вопросов права, они все же сохраняли добрые дружеские отношения. Ян Броунли был отличным собеседником, добродушным человеком, обладавшим замечательным чувством юмора.

Г-н Хассуна говорит, что благодаря своей работе, озаглавленной "Международное право и применение силы государствами", Ян Броунли вызвал восхищение у африканских специалистов в области права за защиту им небольших, хрупких государств этого региона. Его работа "Границы африканских государств: юридическая и дипломатическая энциклопедия" является наиболее высоко ценимым научным трудом. Сборник "Основные документы по правам человека", который он редактировал, свидетельствует о его глубокой убежденности в необходимости защищать права человека.

Как член и Председатель Комиссии он сочетал глубину научных знаний с опытом адвоката. Он был в состоянии добиваться компромисса, используя иногда свое британское чувство юмора для того, чтобы устранять напряженность. За его достижения о нем будут помнить ученые, а также специалисты-практики в области международного права.

Г-н Варгас Карреньо отмечает, что Ян Броунли неизменно обогащал прения в Комиссии своими глубокими познаниями по проблемам международного права. Его усилия в качестве Специального докладчика по вопросу о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров увенчались принятием в первом чтении соответствующих проектов статей. Его научные работы представляют собой важнейшие учебники для преподавания международного права, характерной чертой которых является ясность изложения.

Г-н Галицкий говорит, что познакомился с Яном Броунли через его опубликованные работы, которые признаны во всем мире в качестве ценных исследовательских пособий. Ян Броунли придерживался весьма классического подхода к вопросам международного публичного права, ему были присущи оригинальность мышления и интеллектуальная независимость, т.е. то сочетание качеств, которое было особенно заметным в его концепции последствий вооруженных конфликтов для международных договоров. В число его выдающихся черт входили лингвистическая точность, огромный оптимизм и глубокая привязанность к семье.

Кончина Яна Броунли вызывает глубокую скорбь, но память о нем живет в его работах. Его книга "Принципы международного публичного права" и другие труды – залог того, что его имя не будет предано забвению.

Г-н Кафлиш говорит, что Комиссия потеряла преданного друга и ученого, а круги специалистов понесли большую утрату. Ян Броунли поддерживал работу Комиссии и восхищался ею. В качестве Специального докладчика он занимался одной из наиболее трудных областей международного права, которая в течение длительного времени не поддавалась кодификации. Сам выступающий испытывал как удовлетворение, так и опасение по поводу продолжения усилий по кодификации в данной области, а затем стал его преемником в качестве Специального докладчика по вопросу о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров.

Труд Яна Броунли "Принципы международного публичного права" и его другие работы показывают, что он был не только одаренным ученым, но и способным специалистом-практиком в области международного права. Будучи внушительным оппонентом как адвокат, он никогда не позволял, чтобы расхождения во мнениях отравляли дружеские отношения. Нам будет очень не хватать его чувства юмора и его человечности, а также его абсолютной нетерпимости к интеллектуальному позированию.

Г-н Дугард говорит, что Ян Броунли преподавал и был наставником многих африканских студентов, которые сегодня играют видную роль в области международного права. Его плодотворная работа по вопросу о границах африканских государств имела огромное значение для понимания политической карты континента. Он участвовал в рассмотрении в Международном Суде более 40 дел, причем многие из них касались африканских стран. Дело о Никарагуа, по которому он был ведущим консультантом, ободрило многие страны в развивающемся мире и в Африке, в частности, и они стали обращаться в Международный Суд.

В суде Ян Броунли неоднократно занимался непопулярными делами, которые не поддерживало его собственное правительство, и в ряде случаев даже выступал против Соединенного Королевства. Ян Броунли был специалистом во многих отраслях права и внес крупный вклад во многих из них, особенно в областях ответственности государств и дипломатической защиты.

В качестве члена Комиссии он был интересным собеседником, обладал чувством юмора, был добродушным и иногда задиристым. Но прежде всего он был человеком, которого каждый член Комиссии выслушивал с огромным интересом.

Г-н Сингх говорит, что Ян Броунли достиг больших успехов в своей практической деятельности в судах и в качестве ученого. Он пользовался большим уважением за его честность и познания в области международного права. Его книги читали студенты, специалисты-практики и судьи во всем мире.

Он представлял Индию при рассмотрении одного из дел в Международном Суде в 1999 и 2000 годах и являлся почетным членом Индийского общества международного права. Его утрату будут глубоко ощущать все в международном сообществе, особенно те, кто его знал и кто с ним работал.

Сэр Майкл Вуд говорит, что он никогда не работал в составе одной юридической группы вместе с Яном Броунли, а иногда занимал противоположную позицию, что, возможно, позволяет лучше оценить достоинства другого адвоката. Тот факт, что Ян Броунли часто представлял стороны вопреки мнению своего правительства, возможно, улучшил, а не ухудшил его репутацию среди юристов-международников и даже в глазах его правительства, которое дважды оказывало ему почести за его вклад в развитие международного права.

Ян Броунли был глубоко убежден в том, что каждый человек, какими бы предосудительными ни были его мотивы, должен иметь доступ к услугам адвоката. Он не стыдился быть позитивным, но в то же время ему была присуща смесь идеализма и реализма, столь необходимая для практикующего юриста. Было бы весьма достойным его памяти, если бы его наследие воодушевляло Комиссию стремиться к еще большим достижениям в течение оставшейся части этого пятилетия и впоследствии.

Председатель говорит, что для нее было большой честью и привилегией работать с Яном Броунли в Комиссии международного права. Она многое узнала от него и была поражена его приверженностью делу развития международного права. В 2009 году Ян Броунли впервые посетил Китай и обещал вернуться. Хотя это уже невозможно, она уверена, что о его большом вкладе в области международного права всегда будут помнить китайские юристы.

Оговорки к международным договорам (пункт 2 повестки дня)
(продолжение) (A/CN.4/614/Add.2)

Г-н Гая говорит, что общий подход Специального докладчика является убедительным, хотя, как представляется, Руководство по практике больше похоже на критический анализ практики.

В проекте руководящего положения 4.1 Специальный докладчик вводит новую категорию оговорок, т.е. категорию действующих оговорок. Она является новой, поскольку в практике государств и в международных судебных решениях вопрос о том, является ли какая-либо оговорка "действующей", обычно не является вопросом для рассмотрения. Эта категория не содержится в пункте 1 общей статьи 21 Венских конвенций о праве международных договоров 1969 и 1986 годов, в котором говорится лишь об "оговорке, действующей в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23", со ссылкой на оговорки, которые отвечают определенным материально-правовым и процессуальным критериям и которые были приняты. Хотя категория действующих оговорок могла бы способствовать разработке некоторых проектов руководящих положений, например проекта руководящего положения 4.2, Комиссия могла бы также обойтись без нее, с тем чтобы сосредоточиться непосредственно на последствиях, которые имеют такие оговорки, когда они отвечают одним и тем же материально-правовым и процессуальным условиям, включая принятие.

Он соглашается с различием, проводимым между определенно допускаемой оговоркой, содержание которой должно быть в достаточной мере предопределено в международном договоре, и определенной оговоркой, содержание которой может быть изложено с помощью менее точных выражений всего лишь путем ссылки на конкретные статьи конвенции. Однако было бы полезным

включить в комментарий упоминание о консультативном заключении Межамериканского суда по правам человека 1982 года о последствиях оговорок для вступления в силу Американской конвенции о правах человека, который занял позицию, отличающуюся от позиции, выбранной Специальным докладчиком.

В пункте 2 статьи 20 Венской конвенции о праве международных договоров содержится описание ситуации, в которой применение договора в целом между всеми его участниками является принципиально важным условием согласия каждой из них на обязательность этого договора. В проекте руководящего положения 4.1.2 такие договоры упоминаются как договоры "с ограниченным числом участников". Однако сфера охвата этого термина выходит за рамки того вида договора, описание которого содержится в пункте 2 статьи 20 и который фактически относится к подкатегории договоров с ограниченным числом участников. Существуют договоры с ограниченным числом участников, к которым требование о единогласном принятии оговорок не применяется, например к договорам, которые впервые появились в рамках гибкого режима Панамериканского союза. Было бы полезным привести примеры практики государств, иллюстрирующие категорию договоров, описание которой содержится в пункте 2 статьи 20; однако для них следует найти более приемлемое название, чем "договоры с ограниченным числом участников".

В комментарии к проекту руководящего положения 4.1.3, возможно, можно было разъяснить причины, лежащие в основе идеи, выдвинутой в данном докладе и подразумеваемой в проекте руководящего положения 4.1.3, а именно идеи о том, что оговорка к учредительному акту международной организации должна быть принята только компетентным органом этой организации и необязательно ее членами. Следует также дать разъяснение относительно того, почему к проекту руководящего положения 4.1.3 были добавлены элементы, которые не содержатся в соответствующем тексте Венских конвенций. Например, в комментарии можно было бы разъяснить, что необходимо было найти единообразное решение, применимое ко всем членам организации. И хотя другое единообразное решение, в дополнение к этому, могло бы указывать, что оговорки должны приниматься всеми членами организации, такое решение в конечном счете сделало бы совершенно излишним принятие оговорок компетентным органом организации.

В заключение он говорит, что он поддерживает предложение о передаче проектов руководящих положений 4.1, 4.1.1, 4.1.2 и 4.1.3 Редакционному комитету при условии, что вопрос о необходимости включения категории "действующих оговорок" остается нерешенным и подлежит дальнейшему рассмотрению в Редакционном комитете.

Г-н Нольте говорит, что Комиссия достигла решающего этапа в своей работе по теме оговорок к международным договорам: вопросы последствий оговорок и заявлений о толковании, возможно, являются самым трудным и противоречивым аспектом всего мероприятия. В связи с этим заслуживает особой похвалы то, что Специальный докладчик обратился к подготовительным материалам Венской конвенции о праве международных договоров для того, чтобы определить идеи и цели, лежащие в основе ее режима оговорок.

Он полностью одобряет предложение Специального докладчика провести четкое различие между последствиями допустимых и недопустимых оговорок, поскольку отсутствие такого различия явилось одним из признанных недостатков Венской конвенции. С другой стороны, полезность и возможные последствия проведения такого различия зависят от того, насколько ясно оно может быть проведено, как показали результаты обсуждения Комиссией проекта руко-

водящего положения 3.3 (Последствия недопустимости оговорки). В связи с этим вызывает беспокойство то, что Специальный докладчик назвал "далеко не точным" и даже "случайным" наиболее важный критерий для определения допустимости оговорки, а именно ее совместимости с объектом и целью договора. Хотя он соглашается с тем, что этот критерий далеко не точен, он не считает, что его применение является в большей степени случайным, нежели применение многих других критериев, связанных с объектом и целью какой-либо нормы или договора. Соответственно, Комиссии следует считать этот критерий применимым, однако при изложении различных последствий допустимых и недопустимых оговорок ей нужно воздерживаться от проведения более четкого, чем требуется, различия между этими последствиями с учетом отсутствия ясности критериев, на которых они основываются.

Что касается последствий допустимых оговорок, то, как он признает, он несколько обескуражен использованием Специальным докладчиком термина "действующая оговорка". Хотя цель заключается в проведении различия между допустимыми оговорками, которые были приняты другими сторонами, и теми оговорками, против которых было высказано возражение, это подразумевает, что придание оговорке действительности по существу является относительным понятием: оговорка "действует" в отношении тех государств, которые ее приняли, и не "действует" в отношении тех государств, которые выразили возражение против нее. Однако в других положениях своего доклада Специальный докладчик использует формулировку, позволяющую предположить, что превращение оговорки в действующую является абсолютным понятием или понятием, имеющим последствия *erga omnes*. Например, в пункте 201 он указывает, что "оговорка, против которой высказано возражение, очевидно, не является действующей по смыслу пункта 1 статьи 21".

Насколько он понимает этот аргумент Специального докладчика, особенно в пункте 205 доклада, "превращение оговорки в действующую" следует релятивизировать. Если это так, то тогда он соглашается с доводами Специального докладчика по существу, которые касаются последствий для вступления в силу договора. Однако термин "действующая" оговорка в некоторой степени вводит в заблуждение, поскольку он всего лишь характеризует оговорку, являющуюся в полной мере действительной в отношении тех государств, которые ее приняли.

Кроме того, создает путаницу то, что оговорка, не действующая в отношении высказавшего возражение государства, тем не менее, может иметь ограниченные последствия для этого государства, которые указаны в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций. В своем пятнадцатом докладе (A/CN.4/624) Специальный докладчик использует термин "действительные" оговорки, внося, тем самым, еще бóльшую путаницу: оговорка может быть и допустимой, и действительной, еще не являясь "действующей". Возможно, следствие *erga omnes partes*, на которые указывает термин "превращение оговорки в действующую" можно было бы разъяснить в ходе работы над проектом.

В отношении определенно допускаемых оговорок, о которых говорится в пунктах 207–222, вопрос заключается в том, исключают ли они возможность высказывания возражений. Хотя это может быть верным в большинстве ситуаций, в некоторых случаях возможность высказывания возражения может зависеть от толкования данного договора. Возможно, стороны путем допущения конкретных оговорок всего лишь подчеркивают, что такие оговорки не противоречат объекту и цели договора, давая при этом другим договаривающимся сторонам возможность высказать возражения против этих оговорок. В отличие

от обоснования Дерекы Боуэтта, изложенного в пункте 222, он не считает логически необходимым, чтобы стороны, предусмотрев допустимость оговорки в качестве "предмета прямого соглашения", отказались от какого-либо права заявлять возражения против такой оговорки. Эта возможность не исключается и арбитражным решением по делу о Делимитации континентального шельфа в Ируазком море, на которое Специальный докладчик ссылается в пункте 215 своего доклада.

Стороны какого-либо договора могут иметь разнообразные причины для того, чтобы допускать оговорки, что подтверждается рассмотрением в данном докладе положений, разрешающих общее допущение оговорок, которое Специальный докладчик совершенно справедливо не желает рассматривать как a priori принятие, исключающее возражения. Существование договорных положений, которые прямо разрешают оговорки, но также допускают высказывание возражений, потребовало бы изменения формулировки проекта руководящего положения 4.1.1, поскольку определено допускаемая оговорка, против которой может быть высказано возражение, не может рассматриваться как "действующая" в том смысле, в каком Специальный докладчик использует этот термин. Смысл заключается не в том, является ли содержание оговорки достаточно предопределенным договором, как указал Специальный докладчик в пункте 218 своего доклада, а в том, заключается ли цель разрешения формулировать оговорки, включаемого в договор, в предвосхищении их принятия всеми другими сторонами.

Он хотел бы высказать аналогичное соображение в отношении оговорок к договорам "с ограниченным числом участников". Наиболее очевидное различие между проектом руководящего положения 4.1.2 и пунктом 2 статьи 20 Венской конвенции заключается в том, что содержащаяся в этом пункте прямая ссылка на "объект и цель договора" не была включена в проект руководящего положения 4.1.2. Хотя критерий объекта и цели, равно как и критерий числа участников, далеко не точен, его следует скорее выделить, нежели отодвигать на второй план путем включения в общее условие допустимости. С другой стороны, он не возражает против ссылки на "другие договаривающиеся стороны", содержащейся в проекте руководящего положения 4.1.2, цель которой заключается в разъяснении требования всеобщего согласия.

Он выступает за передачу проектов руководящих положений 4.1–4.1.2 на рассмотрение Редакционного комитета.

Г-н Макрэй говорит, что доклад свидетельствует об обычно тщательном исследовании, но в некоторых местах является слишком детализированным, что приводит к излишней путанице. Попытка генерировать концепцию "действующей оговорки" из вступительной части текста пункта 1 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров является несколько сомнительной. Он не находит концепцию оговорки, действующей "в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23", особенно сложной, равно как и не согласен с оценкой Специального докладчика, изложенной в пункте 199 его доклада, согласно которой вступительная часть текста содержит "множество неясностей и неточностей". Сам Специальный докладчик, формулируя проект руководящего положения 4.1, включил в него требования, установленные в статьях 19, 20 и 23, хотя и не в том порядке. Изложенная Специальным докладчиком запутанная история формулирования статьи 21, подразумевает наличие сложности, хотя сам проект руководящего положения 4.1 фактически представляет собой упрощенное и более ясное изложение вступительной части текста пункта 1 статьи 21. Он поддерживает это положение, а также

проект руководящего положения 4.1.1, одобряя вместе с тем просьбу Специального докладчика о том, чтобы Редакционный комитет добился большей стилистической ясности текста третьего пункта.

Вместе с тем он усматривает проблему в связи с проектом руководящего положения 4.1.2, который вместо того, чтобы сосредоточиваться на договорах с ограниченным числом участников, должен касаться превращения оговорки в действующую в случае договора, применение которого в целом является важнейшим условием согласия каждой стороны на обязательность для нее этого договора. Ограниченное число участников, указанное в пункте 2 статьи 20, является критерием для определения того, представляет ли собой договор именно такой случай, а не основной целью этого положения. Более того, в отличие от проекта руководящего положения 4.1.2 в пункте 2 статьи 20 не содержится какого-либо определения термина "договор с ограниченным числом участников".

Проблемы, связанные с понятием действующей оговорки, начинают становиться очевидными в проекте руководящего положения 4.1.3, и он предполагает, что такого рода проблемы возникнут в ряде проектов руководящих положений, следующих за данным положением. Основная трудность обусловлена тем, что слово "действует" содержится в тексте пункта 1 статьи 21, причем его цель заключается в определении того, какие оговорки имеют последствия, указанные в этой статье. Однако проект руководящего положения 4.1.3 отражает попытку взять концепцию действующей оговорки из статьи 21 и распространить эту концепцию на статью 20. Тем не менее, если поставленные им и другими ораторами вопросы могут быть решены в Редакционном комитете и если Редакционный комитет сможет дополнительно рассмотреть концепцию действующей оговорки, он не видит проблем с передачей этих проектов руководящих положений на рассмотрение Редакционного комитета.

Г-н Фомба отмечает, что во втором добавлении к своему четырнадцатому докладу Специальный докладчик по-прежнему стремится установить – настолько точно, насколько это возможно, – уровень определенности или неопределенности, присущей режиму, предусмотренному Венской конвенцией, и при необходимости заполнить любые пробелы или устранить любые недостатки. Эта задача отнюдь не является легкой. Дилеммы порождаются самим определением терминов "допустимая оговорка", "недопустимая оговорка", "предполагаемые последствия", "последствия, фактически наступившие", "действующая оговорка", "определенно допускаемые оговорки", "косвенно допускаемая оговорка" и "определенная оговорка". Специальный докладчик уже проанализировал эти термины с достаточной ясностью.

На первый взгляд новые проекты руководящих положений представляются нужными и приемлемыми, хотя их формулировки, возможно, могут быть улучшены. Например, третий пункт руководящего положения 4.1.1 (Действующая оговорка, определенно допускаемая договором) представляется весьма запутанным и, несомненно, выиграл бы от изменения формулировки. У него нет серьезных возражений против редакции проекта руководящего положения 4.1, хотя, наверное, можно было бы найти более удачное выражение, чем "сформулирована с соблюдением установленной формы".

Он выступает за передачу всех проектов руководящих положений на рассмотрение Редакционного комитета.

Сэр Майкл Вуд благодарит Специального докладчика за то, что он поделился своими мыслями о том, каким образом Комиссии следует продвигаться далее, с тем чтобы выполнить требования государств, согласно которым

она должна завершить работу по теме оговорок к международным договорам к концу нынешнего пятилетия. Он полностью согласен со Специальным докладчиком в отношении необходимости завершить рассмотрение Руководства по практике в первом чтении на нынешней сессии и рассмотреть его во втором чтении в следующем году. Государствам и международным организациям необходимо предоставить надлежащую возможность высказать замечания по проектам, рассмотренным в первом чтении, поскольку окончательный продукт будет иметь для них существенное практическое значение. Они должны ощущать свою полную причастность к процессу разработки Руководства. По очевидным причинам они будут располагать вместо традиционных двух лет только одним годом для изучения этого текста. Такая процедура является исключительной, но неизбежной, если Комиссия должна завершить свою работу в установленном порядке. Это должно быть приемлемым, поскольку многие государства уже имели возможность высказать свои замечания по многим проектам руководящих положений в течение этих лет.

Он одобряет изначальный подход Специального докладчика к юридическим последствиям оговорок и возражений против них. Он согласен с основным различием между допустимыми и недопустимыми оговорками и разделяет точку зрения о том, что соответствующие положения Венских конвенций касаются допустимых оговорок и что согласие представляет собой сердцевину режима оговорок. Превращение оговорок в действующие на самом деле является важным понятием. Оно, несомненно, присутствует в Венских конвенциях, хотя и не изложено в них сколь-нибудь детально. По этим причинам он в целом согласен с новыми проектами руководящих положений, предложенными Специальным докладчиком, и будет приветствовать передачу всех этих положений в Редакционный комитет.

В некоторых частях своего доклада Специальный докладчик был несколько резок в своих критических замечаниях в адрес тех, кто разрабатывал Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года как в рамках Комиссии, так и на Венской конференции. Хотя некоторые изменения, внесенные на заключительном этапе Конференции, не получили в полной мере последовательного развития, в целом разработчики Конвенции проделали весьма полезную работу.

Для полного понимания процесса осмысления Специальным докладчиком некоторых аспектов необходимо обратиться к первоначальному тексту доклада на французском языке. Это замечание не следует рассматривать как критику в адрес письменных переводчиков, которые проделали значительную работу в условиях серьезной нехватки времени. В конце концов, они не готовят литературные переводы трудов Вольтера, Флопера или Камю (хотя, по его мнению, Специальный докладчик предпочитает Сартра). И все же, когда Комиссия будет рассматривать проекты комментариев к проектам руководящих положений, она, возможно, должна будет уделить внимание не только существу этого текста, но и его переводу на различные языки. Одним из примеров является ссылка на "Ируазское море", которое в английском языке принято называть "Английским каналом". Соответственно, в 2011 году следует выделить достаточное время на рассмотрение этих комментариев.

Г-н Пелле (Специальный докладчик) говорит, что он предпочитает Вольтера Сартру и что этот канал делят и Франция, и Соединенное Королевство. Официальное название данного дела следующее: "дело о Делимитации континентального шельфа между Французской Республикой и Соединенным Королевством".

Сэр Майкл Вуд утверждал, что Специальный докладчик был резок в своих критических замечаниях в адрес предыдущих членов Комиссии, тогда как фактически объектом его неудовольствия была Венская конференция. Г-н Хэмфри Уолдок был исключительным Специальным докладчиком, который убедил Комиссию отойти от устаревшей системы единогласия и перейти к более гибкой системе. Он ничего не имеет против проекта текста Комиссии 1969 года, но сожалеет в связи с тем, что давление, оказанное восточноевропейскими странами по чисто идеологическим и политическим соображениям, привело к отмене презумпции, установленной в пункте 4 b) статьи 20 и касающейся вступления в силу договора для государства, сделавшего оговорку. Лично он не согласен с такой отменой, однако с этим пришлось смириться. Проявившаяся затем на Венской конференции непоследовательность привела к принятию странного заключительного текста. Он пытался проложить через него дорогу, поскольку не следует изменять текст, подготовленный Конференцией, даже с учетом того, что в действительности он является слишком неуклюжим.

Короче говоря, он отклоняет критику по поводу его критической позиции.

Г-н Камто, касаясь действующих оговорок, т.е. новой категории оговорок, вытекающей из вступительной части текста пункта 1 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров, говорит, что этот текст, возможно, не предназначался для создания новой категории оговорок. Выражение "действующая оговорка" касается чего-то более простого и более ограниченного, чем то, что предусматривала Комиссия: оно всего лишь означает существующую оговорку.

Цель Руководства по практике заключается в том, чтобы предложить столько элементов, сколько возможно, в целях содействия государствам в учете оговорок на практике. Как заявил г-н Гая, комментарии должны быть чрезвычайно точными, с тем чтобы не расширять сферу охвата вступительной части текста пункта 1 статьи 21. Фактически он задается вопросом о том, действительно ли является необходимым какое-либо руководящее положение или определение, особенно с учетом крайне незначительной практики. Как представляется, Специальный докладчик занят толкованием, а не определением нормы, вытекающей из практики государств. Весьма спорным является вопрос о том, следует ли в Руководстве по практике предлагать нормы, которые пока не существуют в качестве средства регулирования практики, или же в нем следует всего лишь кодифицировать существующие виды практики.

Хотя он выступает за передачу этого текста на рассмотрение Редакционного комитета, поскольку новые проекты руководящих положений отражают новаторский и оригинальный подход, он полагает, что в комментарии следует ясно разъяснить предполагаемую сферу охвата и точное значение используемых терминов, а также то, что действующие оговорки не должны рассматриваться как полностью новая категория оговорок, выходящая за концептуальные рамки Венской конвенции.

Программа, процедуры и методы работы Комиссии и ее документация (пункт 11 повестки дня)

Г-н Дугард (Председатель Группы по планированию) говорит, что в состав Группы по планированию будут входить следующие члены Комиссии: г-н Валенсия Оспина, г-н Васьянни, г-н Галицкий, г-н Гая, г-н Камто, г-н Кандиоти, г-н Кафлиш, г-н Колодкин, г-н Макрэй, г-н Нольте, г-н Пелле, г-н Перера, г-н Петрич, г-жа Сюэ и г-жа Эскарармейя. Другим членам Комиссии будет предложено присоединиться к Группе по планированию.

Г-н Кандиоти (Председатель Рабочей группы по долгосрочной программе работы) говорит, что в состав Рабочей группы входят: г-н Вако, г-н Валенсия Ospina, г-н Варгас Карреньо, г-н Васьянни, г-н Виснумурти, г-н Майкл Вуд, г-н Галицкий, г-н Гая, г-н Кафлиш, г-н Колодкин, г-н Макрэй, г-н Мелескану, г-н Мурасэ, г-н Нольте, г-н Пелле, г-н Перера, г-н Петрич, г-н Сабоя, г-н Сингх, г-жа Сюэ, г-н Фомба, г-н Хассуна, г-н Хмуд, г-жа Эскарамейя и г-жа Якобссон.

Заседание закрывается в 12 ч. 35 м. с тем, чтобы дать Группе по планированию возможность провести свое заседание.